

САМООРГАНИЗАЦИЯ ДЕРИВАЦИОННЫХ СТРУКТУР РУССКОГО ТЕКСТА

В статье показана необходимость модельного представления деривационных структур русского текста посредством традиционно принятых в синтаксических описаниях членов предложения. Формально-символическая запись реального следования в различных русских текстах предложений и их состава позволила выявить ядерные и периферийные структуры предложений, участвующих в текстообразовании. Обсуждаются вопросы взаимодействия в структуре текста симметричных и асимметричных, дискретных и континуальных состояний его макроструктуры.

Лингвистика текста в последние десятилетия развивается экстенсивно, постоянно расширяется круг аспектов изучения текста, к нему применяются все новые и новые модели описания (культурно-историческое, прагматическое, когнитивное видение текста и дискурса и т.п.). Тем не менее, многие вопросы текстообразования, которые интересовали отечественную лингвистику в 60-80-е годы, остались без должного теоретического анализа.

Текстообразование понимается как переход от одного предложения к другому и включает анализ языковых средств и способов линейной упорядоченности текста, учитывающий эквивалентности, возникающие в порядке следования от одного предложения к другому (другим), от одного текстового единства к другому (другим) контактно либо дистантно. Разнообразные «переключки на расстояниях» между эквивалентными (в широком диапазоне возможностей) «единицами» и/или «единствами» обеспечивают связность текста, признаваемую одной из его базовых категорий. Достаточное освещение в литературе получили и стандарты заполнения языковыми единицами некоторых позиций текста, например, зачины и концовки текста и его единиц (абзацев, сложных синтаксических целых, фрагментов и т.п.) [1; 2; 3].

Между тем, если объем понятия «синтаксис предложения» представляется весьма определенным теоретически, что отражено в большом количестве исследований и стройных теорий, то неопределенным и недостаточно очерченным представляется понятие «синтаксис текста». Так, в частности, остались недостаточно проясненными вопросы межфразовых связей в тексте, обсуждаемые в работах Л.М. Лосевой, Г.Я. Солганика, О.И. Москальской и др [3; 4; 5]. Показатель-

ны перечни лексических и грамматических межфразовых связей, представленные в работах Л.М. Лосевой [3]. Многие компоненты перечней средств межфразовой связи пересекаются, фигурируя одновременно и как лексические, и как грамматические средства осуществления внутритекстовой связности. Выборочно сопоставим основные единицы описания и те грамматические категории, в которых оно проводится.

Синтаксис предложения. *Единицы:* предложения разных типов, распространители структурной схемы предложения, виды связей между компонентами предложения и др. *Категории:* член предложения, главные и второстепенные члены предложения, распространение и осложнение предикативного ядра, сочинительные и подчинительные связи компонентов предложения и т.д. [6].

Синтаксис текста. *Единицы:* отдельные предложения, текстовые единства (ССЦ, СФЕ, абзац, фрагмент, композиционно-речевая форма), тип речи, монологическая / диалогическая речь и т.д. *Категории:* связность, цельность, отдельность, членимость, завершенность, информативность и т.д. [7; 8].

Таким образом, два «синтаксиса» весьма автономны как по единицам, так и по своему категориальному аппарату. Одной из причин этого представляется путь ко все большей детализации лингвистического анализа без должного внимания к процессам синтеза и межуровневых переходов, играющих существенную роль в становлении текста как системы. Именно поэтому актуальным становится поиск единого языка и общих принципов описания структурообразования предложения и текстовых последовательностей (предложений и единств различной природы и назначения). В этой связи заслуживает внимания и

дальнейшего углубления проблематика изоморфизма средств межфразовой связи в тексте и в сложном предложении. Примером подобного описания могут служить, например, тщательно выполненные исследования М.В. Ляпон, Т.В. Матвеевой и др. [9; 10]. Указанные выше исследования получили детализацию в многочисленных публикациях и представляют собой некое концептуальное порождающее ядро синтаксичных моделей структурной организации текста. Заметим, что единство понятийно-категориального аппарата описания разных уровней одной иерархической системы достижимо в том случае, если оно формируется в рамках подходов, опирающихся на общенаучные понятия симметрия / асимметрия, структура, система, информация [11; 12; 13; 14].

Цель данной статьи – проанализировать возможности применения модели описания структуры предложения для изучения процессов текстообразования и выявить эвристический потенциал подобного представления структур текста. Иными словами, можно ли строить модели синтаксического пространства текста с помощью инструментария, разработанного для описания синтаксиса простого предложения, минуя промежуточные звенья – синтаксис сложного предложения, синтаксис ССЦ и фрагмента текста?

Положительным ответом на поставленный вопрос будет признание следующих воззрений на природу текста:

1) текстообразование осуществляется посредством деривационных процессов синтаксических структур предложения и может быть осмыслено как трансляция синтаксических групп в тексте, их трансформации и взаимопереходы в процессе развертки текста от его начала к концу;

2) основные категории текста должны быть представлены в дендроструктурной текстовой модели. Например, категория связности реализуется через трансляцию однотипных и модифицированных синтаксических структур начальных предложений в последующем тексте.

Основной единицей моделирования структуры текста в нашем исследовании выбраны члены предложения в весьма традици-

онном представлении, принятом в школьной и вузовской практике [15; 16; 17; 18]. Разумеется, существуют спорные моменты в квалификации некоторых членов предложения (так называемые синкретичные второстепенные члены предложения), однако в конкретном тексте подобная синтаксическая вариативность в большинстве случаев смягчается, хотя и не нивелируется совсем.

С помощью понятия «член предложения» осуществляется детальная кодировка *самой последовательности мельчайших элементов текста*, что позволяет изучать динамический деривационный сценарий его развертывания от начала к концу. Подобный метод анализа используется в биологии, где единообразно закодированные в условные символы последовательности сравниваются как целостности (генетический код и есть своеобразный текст – носитель ценной информации) [19].

На уровне текстообразования, понимаемого как переход от одного законченного предложения к другому / другим [3], возможно различать только отдельные сегменты последовательности (предложения), обладающие различной протяженностью, но упакованные друг за другом в конечную последовательность компонентов различной сложности (завершенный текст). Примененная кодировка позволяет эксплицировать внутритекстовый ритм, который выявляется как интегральная характеристика целого, и затем сравнивать макроритмы различных текстов качественно и количественно, причем нивелируя их различную протяженность и конкретику содержательного порядка.

Организацию синтаксического пространства текста мы стремимся представить в виде *конечной последовательности переходящих друг в друга синтаксических групп (синтаксических звеньев текста)*, список которых обозрим и статистически упорядочен. Переходы же от одного синтаксического звена к другому, вероятно, подчиняются статистическим законам / закономерностям самоорганизации текста. Задача поиска таких закономерностей предполагает проведение исследования на текстовых *выборках*, что вынуждает нас использовать в качестве единиц

анализа предельно обобщенные формализованные синтаксические модели.

Для обозначения *компонентов* структурных моделей нами используется цифровая символика: цифрой «1» обозначается подлежащее; «2» – сказуемое; «3» – дополнение; «4» – определение; «5» – обстоятельство; «6» – отдельная группа: конструкции, не являющиеся самостоятельными предложениями и не входящие в структуру предложения, служащие для выражения добавочных оттенков, замечаний, отношения говорящего к высказыванию, обращения к собеседнику и т.п. По значению, форме и по характеру отношения к предложению эти конструкции представляют следующие типы: 1) обращение; 2) «именительный представления» по А.М. Пешковскому; 3) вводные конструкции; 4) вставные конструкции; 5) междометия и модальные слова; 6) служебные слова (союзы и частицы). Таким образом, для выполнения поставленных задач мы будем использовать цифровую комбинаторику в качестве основы для получения *репертуара элементарных структур*. Полагаем, что данная модель описания синтаксического текстового пространства, состоящего из подобных компонентов, полностью соответствует поставленной задаче, и, как мы попытаемся показать, применение этой модели в рамках предлагаемого метода открывает большие перспективы в изучении текста. В частности, позволяют эксплицировать архитектуру целого через выявление сценариев взаимного приспособления структур друг к другу как в линейном следовании, так и в целом тексте. Текст может описываться как процесс, направленный во времени, а благодаря его необратимости существенно сокращаются комбинации структур предложений, способные сочетаться друг с другом.

На первом этапе построения синтаксического пространства текста возникает задача сегментации числовой цепи текста, поскольку сочетание даже из 20 чисел (текст из 20 слов) имеет вероятность повторения, близкую к нулю. Сегментация цепи может проводиться по двум основаниям:

1) принадлежности рассматриваемых членов предложения одному и тому же предложению;

2) отнесенности того или иного члена предложения к группе: а) подлежащего, б) группе сказуемого. Слова, не являющиеся членами предложения, определяются в отдельную группу. Таким образом, в основе сегментации синтаксической цепочки текста (выделения синтаксических групп) лежит естественное его дробление на предложения и в рамках каждого предложения членение на основе координационной связи на звенья, каждое из которых состоит из элементов, связанных друг с другом подчинительной или сочинительной связью. Компоненты предложения, не входящие в выделяемые таким образом синтаксические звенья, обособляются в отдельные группы.

В русском тексте компоненты, относящиеся к группам подлежащего или сказуемого, могут чередоваться в процессе *поступательной развертки* предложения. Тем самым, возникает дополнительное членение синтаксических групп, образование более мелких звеньев. В линейную последовательность были таким способом переведены 2 тысячи русских текстов сравнительно небольшого размера. Тексты весьма разнообразны: проза, поэзия, тексты-примитивы (проза В. Бирюкова, Л. Енгибаряна, И. Ландмана, В. Попова, М. Пришвина, В. Фатеева и др., поэзия А. Барто, С. Есенина, О. Мандельштама, Г. Остера, Ф. Тютчева, Д. Хармса, В. Ходасевича, М. Цветаевой и др., дневники И. Бунина, пословицы из сборника В. Даля, афоризмы из сборника К. Душенко, а также журнальные статьи, газетные объявления, материалы сайтов Интернета и др.).

Затем с помощью компьютера полученные последовательности упорядочены, что позволило выявить сходство и различие синтаксической фактуры текстов в процессе их развертывания от старт-сигнала к стоп-сигналу. Полученные последовательности являются репрезентантами замещения мелких клеточек фактуры текста определенным сугубо синтаксичным содержанием, поскольку ярко отражают не только синтаксическую форму и функцию («быть определенным членом предложения»), но и в определенной мере отражают синтаксическую и лексико-грамматическую семантику

развертывающегося текста. Из общего числа синтаксических моделей 3665 было выделен 531 вид неповторяющихся моделей. Компонентный анализ показал, что преобладающее число моделей – односоставные (2095), двусоставные составляют – 667, трехсоставные – 382, четырехсоставные – 210, пятисоставные – 124, шестисоставные – 74, семисоставные и более – 120.

Рассмотрим сказанное на примере текста В.П. Катаева: *Лето умирает. Осень умирает. Зима – сама смерть. А весна постоянна. Она живет бесконечно в недрах вечно изменяющейся материи, только меняет свои формы.*

Знаком « / » обозначена сегментация предложения, проведенная в соответствии с описанными принципами членения (см.: рис. 1.) Таким образом, вся синтаксическая цепочка предложения состоит из ряда звеньев и может быть сведена к следующей последовательности: 1-2-1-2-1-2-6-1-2-1-2545346234.

Формальная запись позволяет выявить закономерности «частной жизни» текста, выражающейся в существовании:

- 1) предельной дискретности синтаксических групп – односоставные модели (1 и 2);
- 2) трансляции симметрии на уровне а) отдельных групп 1 ... 1 ... 1, 2 ... 2 ... 2 в пространстве текста и б) комбинаций групп 1-2 ... 1-2;
- 3) разрыва ритмической симметрии синтаксических групп (6) – точка бифуркации, выводящая систему в новое состояние (2545346234) – 10 синтаксических мест, поданных как контрастирующее с остальными структурами единство. Вероятность появления в русском тексте данной структуры весьма мала и составляет $1,7 \times 10^{-8}$, поскольку вариантов сочетаний из 10 синтаксических мест – 60 466 176.

Однокомпонентные структуры обладают важным свойством – они выражают максимальную величину синтаксической дискретности. Любая структура, состоящая более чем из одного компонента, уже не только дискретизирует текст, но и участвует в его континуализации. Действия дискретности и континуума – противоположные, но взаимосвязанные тенденции, в полной мере обнаруживающие себя в тексте. Но если «строевая» единица дискретности существует – это однокомпонентная структура, то «стройевой» единицы континуума нет, т.к. такая структура должна вместить в себя все предложение и весь текст. Можно лишь говорить, что чем объемней структура, тем более проявляется в ней тенденция континуализации.

Асимметрия в данном случае связана с действием тенденции континуализации текста. Новое состояние системы находится в диссонансе к предшествующему: предельная дискретность синтаксических групп резко сменяется состоянием синтаксической континуальности. Интересно, что первый элемент асимметрии (6) – это союз «А», своей семантикой выражающий отношение противопоставления. Таким образом, синтаксическая деривация здесь тесно смыкается с лексической семантикой.

Принцип целостности текста проявляется во взаимодействии двух тенденций симметрии / асимметрии и дискретности / континуальности. Сценарий развертывания текста начинается с проявления симметрии на основе действия предельно дискретных ядерных структур (1-2-1-2-1-2-), затем возникает структурная «мутация», проявление которой, используя биологическую метафору, связано с вхождением в систему «вируса» в виде асим-

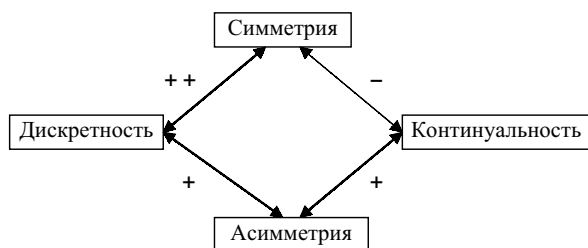

Рисунок 1. Синтаксическое членение текста В.П. Катаева *Лето...*

метричной дискретной структуры 6, кардинально меняющей устойчивый фон развития структуры. Система проходит только один этап (-1-2-1-), заканчиваясь на группе подлежащего (1 – местоимение «она»), имеющей слабую семантическую позицию; в позиции же, где по симметрично разворачивающемуся ранее сценарию должна появиться дискретная группа сказуемого, в качестве нового – ремы – возникает многокомпонентная асимметричная континуальная группа сказуемого, занимающая $\frac{1}{2}$ текста – 10 синтаксических мест.

Этапы развития сценария обобщенного взаимодействия двух структурных качеств текста: дискретности и/или континуальности – можно представить в виде следующих последовательностей:

- 1) (1-2-1-2-1-2-) дискретность = симметрии;
- 2) (-6-) дискретность = асимметрии;
- 3) (-1-2-1-) дискретность = симметрии;
- 4) (-2545346234) континуальность = асимметрии.

Таким образом, в рамках данного текста взаимодействие дискретности / континуальности и симметрии / асимметрии как основных тенденций формообразования представляет собой систему, в которой симметрия взаимосвязана только с дискретностью текстовой материи, асимметрия же – с ее дискретностью и континуальностью. Система имеет лакуну – отсутствие связи симметрии и континуальности, что может означать невозможность трансляции сложных структур. Поэтому основные тенденции формообразования в их системном рассмотрении соотносятся с информационным измерением текста. Сам факт разграничения и взаимоперехода дискретности / континуальности и симметрии / асимметрии является эвристичным сигналом для интерпретатора через харак-

теристики структур, то есть сам переход может быть функционально нагружен по-разному: то возврат к ожидаемому, то погружение в «новое». Информационная нагруженность одних и тех же структур текста может быть неравноценной.

В этом контексте представляет интерес анализ стихотворения О. Мандельштама «Когда в теплой ночи замирает...». Синтаксическая цепочка стихотворения сведена к следующей формуле:

5452-413-6-341-233-254-143-2-41-445-6-342-431-5-6-441-53-6-431-6-441.

Текст открывается континуальной асимметричной маргинальной структурой 5452-, являющейся порождающей моделью для дальнейшего развертывания структурного сценария. Ядром является модель 54..2, выражающая обстоятельственно-сказуемый фон, который постепенно и целенаправленно перерождается. Встает вопрос о потенциальных возможностях сохранения инициального фона порождающей континуальной структуры в течение всего процесса развертывания сценария. Просматривается тонкая структурная судьба обстоятельственно-сказуемого начального ядра: обстоятельственную фон, заданный инициальной структурой, проходя через все текстовое пространство, разрешается в ядерную структуру -441, отражающей фон определения. Поиск устойчивого состояния выражается в противодействии двух основных фонов развития структуры: фон обстоятельства / фон определения, что можно представить в виде дендроструктуры, имеющей двойное разветвление (см.: рис. 2).

Из рисунка 2 видно, что основной дериват представляет собой синтаксическую трансляцию с модификациями элемента («4» – определения) порождающей структуры, взаимодействующей с другими структурами основного и дополнительного дериватов, утверждая, таким образом, предметное поле определения. Процесс развития обстоятельственного фона, сводящийся к появлению асимметричных участков в виде структур группы «2» – сказуемого, протекает по нисходящей траектории, постепенно угасая на 31 синтаксическом месте (длина всей синтаксической цепи – 61), и полностью нейтрали-

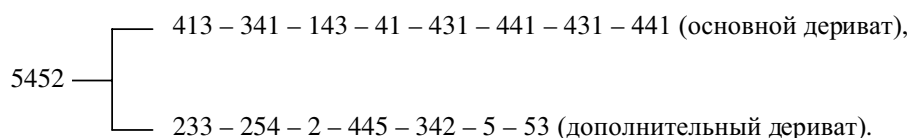

Рисунок 2. Дендроструктура текста О. Мандельштама «Когда в теплой ночи замирает...»

Таблица 1. Реализация разнокомпонентной деривации в русских текстах

	1х	2х	3х	4х	5х	6х	больше
1х	1398	360	213	113	70	37	68
2х	360	120	55	40	16	12	10
3х	212	31	36	18	12	6	7
4х	117	27	22	10	8	3	7
5х	71	10	12	8	2	0	6
6х	36	8	7	3	1	2	8
больше	65	9	11	3	5	1	6

зуется на 53 синтаксическом месте. Множественная вариация симметрии (41 – 441 – 441) на фоне сценариев развертывания основного и дополнительного дериватов поглощает стремление структуры сохранить инициальное обстоятельство-сказуемое начало.

Рассматривая различные способы проявления в тексте симметрии / асимметрии, отмечаем, что реализация деривационной симметрии может быть двух видов: 1) частотность моделей типа АВ равна или весьма близка к частотности моделей типа ВА (парадигматика деривационных моделей); 2) трансляция одной и той же модели в протяженности текста (синтагматика). Асимметрия деривации текстовых групп проявляет себя: 1) при заметных различиях в частотности моделей типа АВ от моделей типа ВА (парадигматика); 2) трансляция с модификацией (вместо АВ – ВА, АВС, СВА и т.п.); 3) вместо ожидаемой модели, появление которой вероятно в рамках сложившейся в восприятии субъекта парадигмы, возникают случайные модели (см. пример: «Лето умирает...»), где вместо структуры 1-2, встречающейся неоднократно, появляется многокомпонентная структура в последнем предложении.

Процесс самоорганизации текста может быть рассмотрен с позиции компонентной и

структурной дериваций. В первом случае анализу подверглись синтаксические структуры, различные по своему компонентному составу. Результаты анализа сведены в таблице 1 (см.: таблица 1).

Примечание: в первом столбце и в первой строке таблицы расположены в порядке возрастания синтаксические структуры в соответствии с их компонентным составом (выделены жирным шрифтом). На пересечении n-й строки и m-го столбца указано количество случаев перехода структуры, расположенной в n-й строке первого столбца определенного компонентного состава, в структуру, размещенную в m-ом столбце первой строки указанного компонентного состава.

Из таблицы 1 видно, что реализация разнокомпонентных структур носит неравновесный характер и отражает общую тенденцию: при увеличении длины синтаксического звена от однокомпонентных до цепочек, имеющих длину 6 и более компонентов, наблюдается свертка синтаксической парадигмы, максимальное количество переходов приходится на однокомпонентные, двухкомпонентные и трехкомпонентные синтаксические структуры, что демонстрирует симметричную (ядерную) реализацию системы. При таком начальном условии можно ожидать теоретически

максимального «насыщения» таблицы (матрицы), но этого не происходит.

В одних случаях матрица дает заполнение – пример перехода шестикомпонентных структур в однокомпонентные, двухкомпонентные, трехкомпонентные, четырехкомпонентные, пятикомпонентные, шестикомпонентные, но уже с наименьшим результатом, в других случаях существуют «пустоты» в заполнении матрицы или минимальный показатель – пример перехода пятикомпонентных структур в пятикомпонентные (индекс переходов 2) и шестикомпонентные структуры (индекс переходов 0).

Несовпадение начальной части матрицы выявляет структурную асимметрию у объектов одного и того же рода. Можем ли мы утверждать, что лакуны в матрице выражают запрет на «реакцию»? В ряде случаев это так. Но пустоты в матрице – это еще и потенция развития и саморазвития текстовых структур, предполагающая более полный учет индивидуальных и прочих языковых явлений.

Создаваемая матрица подобного типа является открытой для поступления или фиксирования инновационных и/или редких переходов, что позволяет единообразно классифицировать большие массивы данных путем размещения структур практически любой сложности в нужные строки и столбцы. Вместе с тем эта матрица носит прогностический характер, что открывает возможности модельного изучения внутритекстовых структур. Так, например, интересна сама возможность «проектирования» на матрице и введения в систему новообразований с точным указанием индекса реализации переходов. На уровне же композиций переходов синтаксических структур можно судить о разрешающих и запрещающих моментах организации системы, что характеризует меру ее упорядоченности, а также позволяет реконструировать направленность эволюции внутритекстовых синтаксических структур, реализованных в коммуникативно успешных текстах.

Анализ процессов структурной деривации основывается на выделении из всего количества моделей ядерных структур. В нашем случае под *синтаксической деривацией* мы понимаем процесс образования разных синтакси-

ческих конструкций путем трансформации определенной ядерной структуры. Ядерные структуры определены в соответствии с законом Парето: 20% видов моделей передают 80% случаев встречаемости всех моделей. Ядерные синтаксические структуры (частотные и привычные для обычного текста) организуют пространство языка, а отклонения от ядерных структур выводят систему из равновесия и позволяют обрести ей новые возможности, расширяют возможности языка и могут служить источником его саморазвития.

В результате проведенных подсчетов был определен репертуар ядерных синтаксических структур русского текста: «1», «2», «3», «4», «5», «6», «13», «14», «25», «23», «32», «41», «52», «55», «143», «233», «234», «235», «243», «245», «252», «253», «255», «262», «413», «431», «441», «452», «523», «552», «2343». Модели, не входящие в репертуар синтаксических структур, обозначены как случайные «X» (см.: рис. 3).

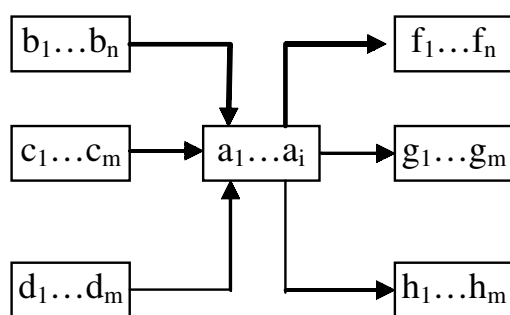
Текст может быть представлен как последовательность микро- и макроструктур, обладающих различной вероятностью взаимной сочетаемости. Самоорганизация взаимодействий и взаимопереходов деривационных структур текста эксплицирована через моделирование текста в режиме реального развертывания во внутритекстовом пространстве времени компонентов предложения, что позволяет весьма подробно и наглядно представлять процессы становления и свертывания сложно организованного информационного пакета. Введение понятия деривации позволяет установить изоморфизм в правилах синтагматического разворачивания ядерных моделей и их возможного преобразования; определить потенциальные возможности языковой парадигмы, а именно каким образом языковая система использует качественно и количественно рекомбинацию репертуара синтаксических структур, установить характер взаимоотношений разнокомпонентных структур; выявить способы возникновения разнообразия синтаксических структур, проследить судьбу структур (их сочетаемость и предпочтительный путь развертывания от зоны начала текста до зоны конца). Характер внутритекстовой изменчивости синтакси-

ческих структур способен отразить особенности самого процесса формирования текста как носителя ценной информации.

Для создания базы моделей деривации был проанализирован репертуар синтаксических структур на предмет установления инициальных и последующих структур по отношению к ядерным структурам.

Таким способом на материале 2000 русских текстов была воссоздана 31 деривационная модель. Использование большой выборки текстов в процедуре анализа процессов деривации позволяет выявить доминантные внутритекстовые связи. Совокупность всех синтаксических групп фиксируется с помощью синтаксической карты текста (наше исследование базируется на методе графосемантического моделирования, разработанном К.И. Белоусовым и Н.Л. Зелянской, представляющем собой метод графической экспликации структурных связей между семантическими компонентами одного множества и включающем в себя определение системно-структурной значимости каждого компонента множества). Опираясь на предложенный метод, мы используем основные его положения для экспликации структурных связей между синтаксическими компонентами [20, с. 170-171].

Данный метод позволяет оценивать не только степень связности синтаксических

Примечание. На рисунке 3 отобразен деривационный процесс перехода одних текстовых структур в другие. Структуре $\{a_1 \dots a_i\}$ могут с разной вероятностью предшествовать структуры $\{b_1 \dots b_n\}$, $\{c_1 \dots c_m\}$, $\{d_1 \dots d_m\}$; сама же структура $\{a_1 \dots a_i\}$ также с разной вероятностью разрешается в структуры $\{f_1 \dots f_n\}$, $\{g_1 \dots g_m\}$, $\{h_1 \dots h_m\}$. Степень вероятности передана с помощью линий разной толщины.

Рисунок 3. Деривационная модель синтаксического пространства текста

ядерных моделей, но дает возможность представления синтаксического пространства текста как континуального благодаря действию механизмов тотальной синтаксической связности, обнаружения значимых и случайных связей между отдельными участками текста (мера значимости определяется статистически), нахождения зон наибольшей / наименьшей синтаксической интенсивности текста в процессе его сукцессивного развертывания, степень оригинальности текста. Результаты синтаксического картирования представлены в таблице 2 (см.: таблица 2).

Из таблицы 2 видно, что на синтаксическом уровне выделяются взаимодействия / взаимонедействия ядерных структур. При детальном рассмотрении эти взаимоотношения предстают двусторонними действиями, односторонними действиями и нуль-сторонними действиями, или взаимонедействиями, что подтверждает мысль В.А. Карпова о справедливости развиваемого в рамках общей теории систем учения о действиях и в такой предметной области, как система-язык [11, с. 108].

Взаимодействующие классы представляют в плане силы взаимодействия четыре типа: а) *сильное взаимодействие* ($1 > 2$ сила связей 308, $2 > 1$ сила связей 236, $5 > 1$ сила связей 126, $2 > 6$ сила связей 107, $6 > 1$ сила связей 241 и др.); б) *среднее взаимодействие* ($2 > 5$ сила связей 28, $1 > 41$ сила связей 11 и др.); в) *слабое взаимодействие* ($5 > 14$ сила связей 4, $32 > 2$ сила связей 6 и др.); г) *взаимонедействиями* ($13 > 1$, $143 > 1$ и др.). Понятие силы синтаксической связи между двумя синтаксическими группами означает то, насколько часто эти две структуры являются компонентами деривационной модели. Сила взаимодействия зависит от сочетания двух факторов – лингвистического и экстралингвистического. Именно сочетание этих двух факторов и создает само явление ядерного синтаксиса на уровне классов.

Изучение пределов применимости формально-модельного представления корпуса текстов, например текста оригинала и версий его перевода на другие языки, оригинала и изложений либо сочинений по нему в

Таблица 2. Системно-структурная значимость компонентов синтаксического пространства (фрагмент)

Инициальная структура / последующая структура	1	2	3	4	5	6	13	14	23	25	32	41	52	55	143
1	75	301	14	3	43	92	3	0	94	64	52	11	83	5	2
2	236	38	6	8	28	107	11	13	5	9	7	44	10	1	1
3	39	7	1	1	3	12	0	1	0	0	2	5	4	0	0
4	1	12	0	0	3	3	0	0	2	2	0	1	0	0	2
5	126	6	4	7	14	41	0	4	2	0	0	19	6	0	0
6	241	82	21	4	52	37	3	15	14	15	18	30	32	8	3
13	0	6	0	0	0	9	0	0	1	0	3	2	5	0	0
14	3	17	0	0	1	8	0	1	6	0	0	0	2	0	0
23	28	4	2	1	7	34	0	4	3	1	2	5	2	0	0
25	35	7	0	4	2	33	4	2	0	1	1	3	3	1	5
32	34	6	6	2	0	19	0	4	2	0	2	7	2	0	2
41	15	37	0	0	20	25	4	2	7	10	4	10	9	0	0
52	67	20	3	0	5	24	0	4	0	4	4	16	0	0	2
55	5	0	0	0	2	3	0	0	0	0	2	4	0	0	0
143	0	4	0	0	2	1	0	0	2	0	0	0	2	0	0

Примечание. В первом столбце обозначены инициальные структуры, в первой строке – последующие (выделены жирным шрифтом). На пересечении n-й строки и m-го столбца указано количество случаев перехода структуры, расположенной в n-й строке первого столбца, в структуру, размещенную в m-ом столбце первой строки. Полные данные представлены в таблице размером 31x31 ячейку.

учебной деятельности, различные авторские редакции одного и того же текста, текст произведения и текст кино- и/или телесценария по нему и т.п., безусловно, представляют не только практический интерес. Иными словами, текст может быть осмыслен деривационно, вполне правомерным в этом контексте представляется понятие «гнездо родственных текстов», предложенное А.А. Чувакиным для описания коммуникативного бытия текстов в социуме [21].

Формализация синтаксического пространства текста, представленная в работе,

позволяет устанавливать параметры прогнозирования судьбы синтаксических структур, соизмерять характер количественной синтаксической модели с количественной лексико-семантической моделью (составление семантической карты). Представленный подход к выявлению и анализу процессов самоорганизации деривационных текстовых структур позволяет расширить репертуар формализованных аналитик текста, что особенно важно для повышения точности моделей текстообразования, изучения универсальных деривационных механизмов языка.

Список использованной литературы:

1. Ильенко С.Г. Текстовая реализация и текстообразующая функция синтаксических единиц // Текстовые реализации и текстообразующие функции синтаксических единиц. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1988. С. 7–22.
2. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст: На материале русской прозы XIX – XX вв. М.: Едиториал УРСС, 2001.
3. Лосева Л.М. Как строится текст. М.: Просвещение, 1980.
4. Солганик, Г.Я. Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое). 2-е изд. М.: Высш. шк., 1991.
5. Москальская О.И. Грамматика текста. М.: Высш. шк., 1980.
6. Русская грамматика / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис.
7. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1979.
8. Синтаксис текста / Отв. ред. Г.А. Золотова. М.: Наука, 1979.
9. Япон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986.
10. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно- сопоставительный очерк. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990.

11. Карпов В.А. Язык как система. М.: Едиториал УРСС, 2003.
12. Москальчук, Г.Г. Структура текста как синергетический процесс. М.: Едиториал УРСС, 2003.
13. Корбут, А.Ю. Текстосимметрия: монография. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2004.
14. Белоусов, К.И. Текст: пространство, время, темпоритм: Монография. Новосибирск: Сибирские огни, 2005.
15. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Л.: Наука, 1978.
16. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 8-е. Серия «Лингвистическое наследие XX века». М.: Эдиториал УРСС, 2001.
17. Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993.
18. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
19. Урманцев Ю.А. Симметрия природы и природа симметрии: Философские и естественнонаучные аспекты. М.: Мысль, 1974.
20. Белоусов К.И., Зелянская Н.Л. «Как в сердце русском отзовется...» (лингвомаркетологическое исследование концепта «водка») // Russian Food and Drinks market magazine. 2005. №№ 6 (70), 7 (71)
21. Чувакин А.А., Бровкина Ю.Ю., Волкова Н.А., Никонова Т.Н. К проблеме деривационной текстологии // Человек - коммуникация - текст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Вып. 4. С. 5-28.